

Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOL. 46

**ANCIENT CEMETERIES AND SETTLEMENTS:
POST-BURIAL RITES, SYMBOLIC INTERMENTS,
AND GRAVE PLUNDERING**

St. Petersburg
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Труды. Т. 46

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ И ПОСЕЛЕНИЯ:
ПОСТПОГРЕБАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ,
СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ И ОГРАБЛЕНИЯ**

Санкт-Петербург
2016

УДК 902/904
ББК 63.4

Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления.
Труды ИИМК РАН. Т. 46. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. — 244 с.: ил.

Ancient cemeteries and settlements: post-burial rites, symbolic interments, and grave plundering. Proceedings of IHMC RAS. Vol. 46. — St. Petersburg: IHMC RAS; The Neva Book Printing House, 2016. — 244 p.: ill.

ISBN 978-5-9908534-0-9

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMC RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), А. Б. Вишняцкий, М. Т. Капуба, М. Е. Килуновская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, M. E. Kilunovskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык: А. Б. Вишняцкий
English translation: L. B. Vishnyatsky

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Б. Кирчо, кандидат исторических наук В. А. Алёхин, доктор исторических наук О. В. Шаров
Editorial referees: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences L. B. Kircho, Doctor of Historical Sciences V. A. Alekshin, Doctor of Historical Sciences O. V. Sharov

Настоящий сборник статей посвящен проблеме нарушенных в древности или символических погребений. Авторы рассматривают несколько взаимосвязанных направлений изучения этих явлений: следы постпогребальных обрядов (часто принимаемые за следы ограблений), методы их выявления и интерпретации; различные категории символических захоронений, где само тело умершего полностью или частично отсутствовало. Часть статей посвящена приемам выявления древних ограблений могил, выяснению методов и мотивов действий грабителей. Важными являются уточнение терминологии, повышенное внимание к полевой фиксации и публикации деталей таких комплексов; возможности корректного привлечения этнографических параллелей. Немаловажны также датировка поздних проникновений в могилы; критерии выявления синхронных захоронениям и более поздних ограблений; активное использование данных физической антропологии; выявление характеристик сакрального пространства некрополя и его окружи. В ряде работ отражены ценные полевые наблюдения; в других содержится критический анализ преобладающей методики фиксации и имеющихся реконструкций ритуалов; третьи продолжают ведущуюся в литературе полемику. Тексты размещены по хронологическим блокам (бронзовый век — ранний железный век — раннее средневековье), а внутри таких блоков — по регионам. Сборник предназначен для археологов, этнографов, историков, студентов и всех интересующихся археологией и древней историей Евразии.

The present volume is devoted to the problem of ancient symbolic burials and grave plundering. The authors consider a number of interrelated directions in the study of these phenomena: traces of post-burial ceremonies (often mistaken for the traces of grave plundering); methods of their identification and interpretation; various categories of symbolic interments where the body of the deceased person was partly or completely missing. Some papers deal with the question of how to identify ancient grave robberies and to ascertain the robbers' motives and ways of action. Special attention is paid to the improvement of terminology, thorough field documentation and detailed publication of such complexes, and the possibility to use ethnographic parallels. Equally important are also the chronology of late intrusions into graves; the criteria used to discriminate between earlier and later robberies; the use of data provided by physical anthropology. A part of papers is devoted to important field observations, the other are mainly focused on critical analysis of the predominant methodology of documentation and reconstructions of ancient rituals, still others continue some earlier discussions of related topics. The texts are arranged in chronological blocks (Bronze Age — Early Iron Age — Early Middle Ages). The volume is intended for archaeologists, ethnographers, historians and for all those interested in the archaeology and ancient history of Eurasia.

На лицевой стороне обложки: Латунная фибула (брошь) со стеклянными вставками; памятник Харбас 1 в Приэльбрусье, VII в. н. э. Рис. 18 к статье Т. Р. Садыкова и Н. С. Курганова.
On the front side of the cover: Brass fibula (brooch) with glass inserts; Harbas 1 site in the Elbrus region, 7 c. AD. Fig. 18 to T. Sadykov's and N. Kurganov's paper.

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for the History of Material Culture of the RAS, 2016

ISBN 978-5-9908534-0-9

© Авторы статей / Authors of papers, 2016

В. С. Аксёнов

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАЗРУШЕННЫХ СКЕЛЕТОВ
В ПАМЯТНИКАХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО IV КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА)

В работе на примере некоторых захоронений Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника показано, что: 1) в некоторых случаях в камеры помещались останки людей, тела которых до этого уже были подвержены естественному нарушению (катакомба № 102); 2) в катакомбы осуществлялось преднамеренное проникновение через специальный ход, сделанный в дромосе у входа в погребальную камеру; 3) через этот повторный вход в камеру помещали не только тела умерших людей для подзахоронения, но проникали для совершения каких-то действий, в результате которых нарушалась целостность тел/скелетов помещенных там покойников; 4) проникавшие в камеру люди хорошо знали устройство камер и расположение покойников, зачастую их не интересовали вещи покойных, даже из разряда престижных (сабли, поясные наборы, золотые серьги и т. п.); 5) избирательность в разрушении скелетов и относительная сохранность погребального инвентаря указывает на ритуальный характер проводимых действий.

Ключевые слова: Верхне-Салтовский IV могильник, катакомбное захоронение, разрушение скелетов, аланы, обезвреживание покойников.

V. S. Aksenov. Some remarks on the question of interpretation of the destroyed skeletons in the sites of the Saltovo-Mayaki Culture (based on the materials of the Verchne-Saltov IV catacomb cemetery). The analysis of a number of burials of the Verchne-Saltov (Upper Saltov) IV catacomb cemetery has shown that: 1) in some cases the burial cameras contain the remains of humans, whose bodies had already been exposed to natural disturbances before their placement into the catacomb (cat. No. 102); 2) the catacombs were re-accessed through a special opening made in the dromos close to the entrance to the burial camera; 3) this opening was used not only for secondary interments, but also for human intrusions associated with some actions which destroyed the integrity of the dead bodies/skeletons; 4) the intruders seem to have had a good knowledge of how the cameras were constructed and where the dead bodies were placed; not infrequently they were not interested in burial goods, leaving in place even the most prestigious objects (swords, belt sets, gold earrings, etc.); 5) the selectivity of the destructive actions and a relatively good preservation of burial goods are indicative of the ritual character of the intruders' activity.

Keywords: Verchne-Saltov IV cemetery, catacomb burials, destruction of skeletons, Alans, purification of the deceased.

Вопрос о причинах разрушения скелетов людей в захоронениях салтово-маяцкой культуры предстал в новом ракурсе после работ В. С. Флёрова, который предложил трактовать их сквозь призму постпогребальных обрядов (Флёров 1993; 2000). Главным противником данной гипотезы выступил Г. Е. Афанасьев (2010: 64; 2012: 124), доказывающий на материалах Маяцкого могильника, что проникновения в катакомбы осуществлялись с целью ограбления (изъятие металлоемких предметов). Выдвинутые исследователями аргументы вызвали дискуссию, благодаря которой открываются возможности интерпретации захоронений с разрушенными человеческими скелетами на салтовских катакомбных могильниках. В этой дискуссии принимает участие и автор, опубликовавший в ряде статей свои полевые наблюдения (см. Аксёнов 2002; 2012–2013; 2013).

В настоящее время можно констатировать, что мотивация повторного проникновения в салтовские катакомбные захоронения, как это отмечал Г. Е. Афанасьев (2012: 114), могла быть разной: подзахоронение, ограбление, осквернение, «ритуальное вскрытие», вторичный обряд погребения и т. д. Однако необходимо выделить те признаки в заполнении дромосов, погребальных камер, составе и состоянии человеческих останков, расположении и структуре погребального инвентаря, которые позволят четко определить, с чем мы имеем дело в каждом конкретном случае. Для этого, как представляется, необходимо рассмотреть катакомбы, интерпретация состояния людских останков в погребальных камерах которых не вызывает сомнения. Наши многолетние работы на Верхне-Салтовском IV могильнике (далее — ВСМ-IV) позволяют это сделать. На сегодня на могильнике исследовано 114 катакомб, девять грунтовых погребений, одна заготовка дромоса, одно погребение в незаконченном дромосе.

Рассмотрим случаи, когда в камере находились скелеты людей не в анатомическом порядке, но заполнение дромоса не отличалось от погребальных комплексов с ненарушенными скелетами (Аксёнов 2012–2013: 30–32, рис. 3, 1; 4). Примером может служить катакомба № 102 (рис. 1). Пятно дромоса данной катакомбы на уровне обнаружения имело в плане форму вытянутого прямоугольника размерами $3,46 \times 0,36...0,44$ м (рис. 1: 16). Заполнение дромоса на всю его глубину (–2,74 м от уровня современной поверхности) было однородным (рис. 1: 17). Вход в погребальную камеру на фоне светло-зеленой материковой глины выделялся темным цветом его заполнения. В заполнении входа была выявлена бронзовая литая бляшка поясного набора.

Погребальная камера поперечная по отношению к дромосу. Свод камеры лишь незначительно обвалился, местами на нем сохранились следы мотыжки. Стены камеры были покрыты белыми известковыми отложениями. Кости погребенного были присыпаны грунтом, попавшим в камеру через арочный вход и упавшим со свода в результате незначительного его обрушения.

В погребальной камере было совершено одиночное захоронение. Анатомический порядок скелета погребенного мужчины 25–30 лет был нарушен (рис. 1: 1). Череп с нижней челюстью стоял на своем основании и был обращен лицевым отделом к правой торцевой стене камеры. Вплотную к затылочным костям был положен на ребро позвонок грудного отдела. В 5 см от черепа к центру камеры лежало несколько костей в анатомическом соединении: правые лопатка, ключица и плечевая. Они находились на уровне пола *in situ*. Эпифиз правой плечевой кости находился в 0,45 м от дальней продольной стенки камеры, в 0,6 м от левой торцевой стенки; в 0,8 м от него (по направлению к правой торцевой стенке) лежали кости правой стопы. Интересно, что дистальные концы обеих берцовых костей находились рядом, почти в правильном сочленении с костями стопы, в то время как проксимальные концы были разнесены, у малой берцовой кости эта часть была обломана.

Между черепом и дистальным концом правой плечевой кости было расположено скопление позвонков, перекрытое одним концом левой ключицы. Нижний сустав указанной плечевой был перекрыт вертикально поставленной костью таза, в отверстие которой была вставлена правая локтевая кость. Это свидетельствует, что на момент нарушения анатомического порядка кости таза и рук уже были полностью освобождены от мягких тканей и сухожилий. Продолжая ось правой плечевой кости, ближе к правой торцевой стенке камеры, располагалась правая бедренная кость с обломанным эпифизом и поврежденным дистальным суставом. Такие повреждения также свидетельствуют о значительном времени, прошедшем от совершения погребения до нарушения анатомического порядка

Рис. 1. Верхне-Салтовский IV катакомбный могильник. Катакомба № 102. 1 — план погребальной камеры; 2–15 — инвентарь погребения; 16, 17 — план катакомбы; 18 — вход в камеру.

Условные обозначения: А — дерн; Б — чернозем; В — глина, перемешанная с черноземом;

Г — первоначальное заполнение дромоса; Д — материк (светло-коричневая глина)

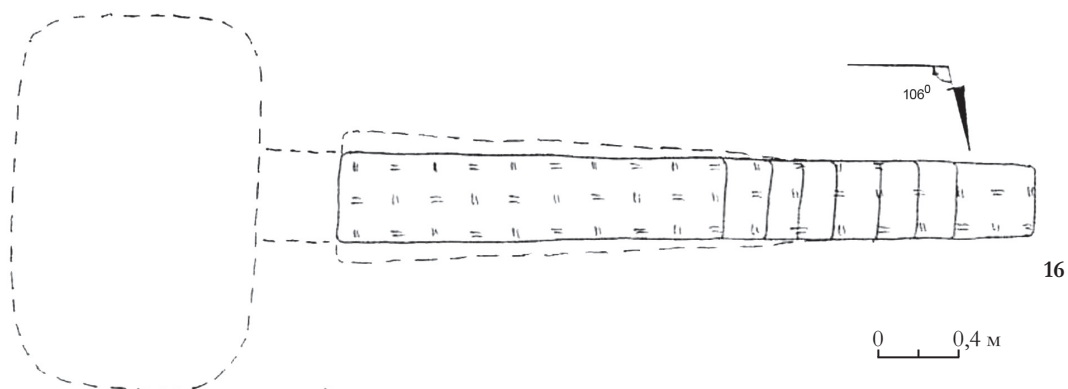
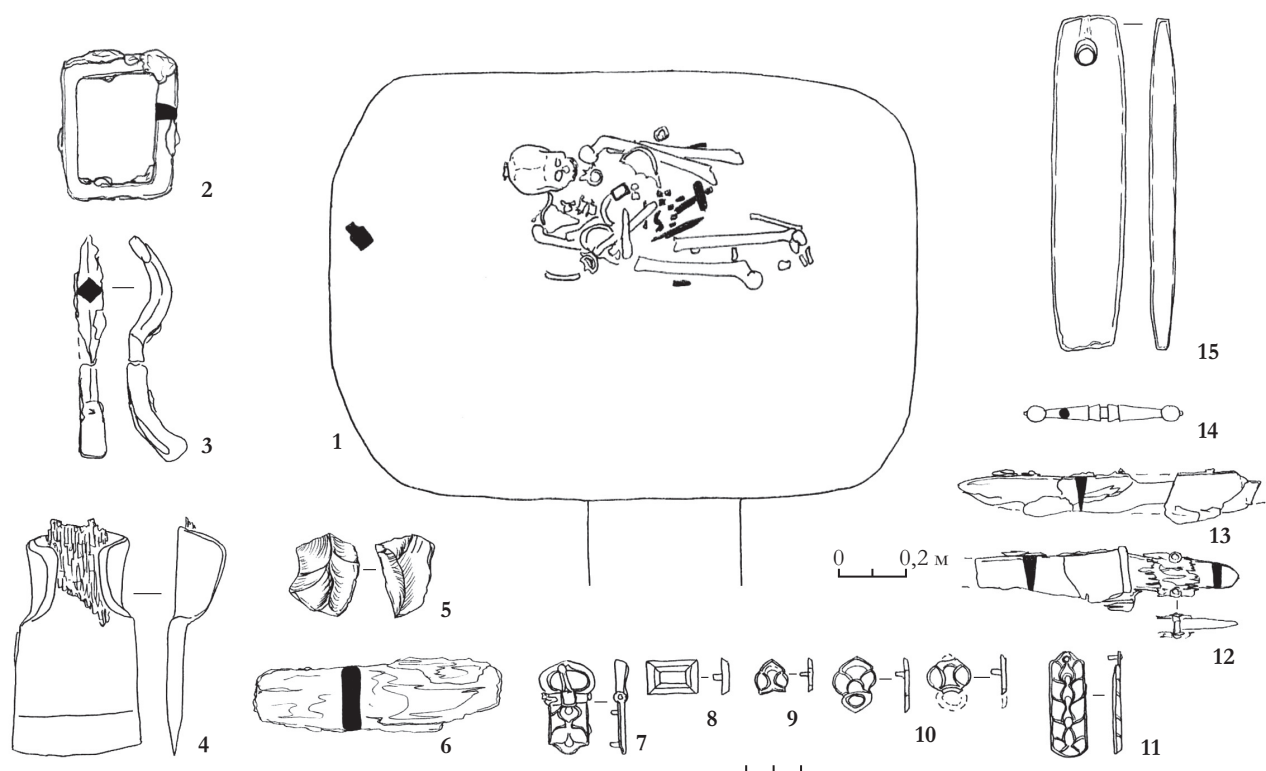
(2, 3, 5, 6 — железо; 4, 15 — камень; 7–11, 14 — бронза; 12, 13 — железо, дерево)

Fig. 1. Verhne-Saltov IV catacomb cemetery. Catacomb No. 102. 1 — plan of the burial chamber;

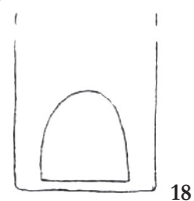
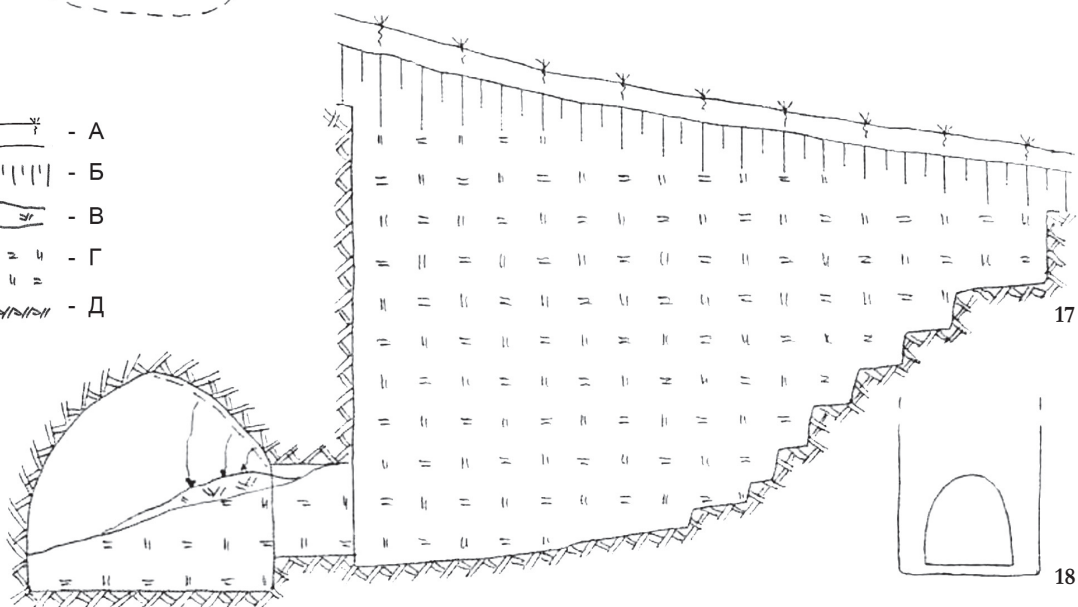
2–15 — burial inventory; 16, 17 — plan of the catacomb; 18 — entrance to the chamber.

Legend: A — turf; Б — black soil; В — clay mixed with black soil; Г — initial filling of the dromos;

Д — natural ground (light brown clay) (2, 3, 5, 6 — iron; 4, 15 — stone; 7–11, 14 — bronze; 12, 13 — iron, wood)

- А
- Б
- В
- Г
- Д

скелета. Бедренная кость левой ноги лежала ближе к дальней продольной стенке камеры, ее эпифиз почти вплотную примыкал к зубам, а проксимальный сустав был обломан в древности. Середина длины кости была перекрыта обломком таза, под самой костью фиксировалась большая берцовая той же (левой) ноги, ориентированная вдоль длинной оси камеры. Оба сустава большой берцовой истлели и были обломаны. Под бедренной и большой берцовой костями левой ноги располагалась плечевая кость левой руки. Состояние всех костей плохое, большинство позвонков и ребер истлели, видимо, тело человека подвергалось процессу разложения, не будучи присыпанным грунтом.

Погребенного мужчину сопровождали тесло-мотыжка (рис. 1: 4), железная прямоугольная пряжка (рис. 1: 2), остатки наборного поясного набора, представленного бронзовыми литыми бляшками трех типов (рис. 1: 8–10), наконечником пояса (рис. 1: 11) и пряжкой (рис. 1: 7), бронзовая литая стержневидная пуговица (рис. 1: 14), сланцевый оселок с отверстием (рис. 1: 15), кремь и железное пластинчатое кресало (рис. 1: 5, 6), два железных ножа в деревянных ножнах (рис. 1: 12, 13), разломанная на три части железная фибула (рис. 1: 3).

Судя по состоянию скелета, нарушение анатомического порядка произошло после того, как кости освободились от мягких тканей, а связки уже не удерживали кости в анатомическом сочленении. Расположение костей правой стопы вместе с дистальными концами берцовых костей можно объяснить наличием обуви, которая удерживала стопу в анатомическом порядке, в то время как мягкие ткани и сухожилия на коленном суставе истлели, и он распался. Скелет мужчины составлял относительно компактную кучу у торцевой стенки, напротив входа в погребальную камеру. При этом положение черепа, длинных костей ног и рук в некоторой степени моделирует характерную для могильника позу покойников — вытянуто на спине, головой влево от входа. Особенно показательным является более чем бережное отношение к черепу погребенного мужчины. В захоронениях с явными следами проведения постпогребальных обрядов зачастую нижняя челюсть отделяется от черепа, и они оказываются в разных частях камеры (Аксёнов 2002: рис. 1, 3; 2, 4; 3, 2, 4; 5, 2; 6, 4). Отсутствие хода повторного проникновения в дромосе данной катакомбы, перекрывание костных останков грунтом, попавшим в камеру из дромоса, идентичность по составу, консистенции и структуре грунта попавшего в камеру из дромоса и грунта первоначального заполнения дромоса свидетельствуют о том, что останки умершего мужчины были помещены в погребальную камеру уже в полуистлевшем виде. Погребальный инвентарь был найден на свойственных ему местах (тесло-мотыжка у стены, поясной набор, набор для добывания огня в районе пояса погребенного). Личные вещи были помещены вместе с останками покойника в камеру. Как полагает В. С. Флёров (2000: 84), они были, по-видимому, табуированы. Хотя в аланских захоронениях V–VIII вв., где кости свалены в относительно компактные груды, вещей, как правило, нет (Там же). Вещи отсутствовали и в сложенных кучей человеческих останках в катакомбе № 16 Старосалтовского могильника (Аксёнов 1999: рис. 6: 20).

Сказанное позволяет дать два возможных объяснения данному случаю. Мужчина мог умереть/погибнуть вдали от родных мест и спустя значительный промежуток времени его останки были доставлены на родовое кладбище и погребены в соответствии с погребальными обычаями аланского населения Подонцовья. Практика доставки и погребения на родовом кладбище умерших во время сезонных перекочевов или военных походов известна у многих народов. Не исключено и другое: умерший мужчина был первоначально похоронен в другой катакомбе могильника или даже в другом месте, а перенесение его останков в новую катакомбу было связано с какими-то неординарными для его живых родственников событиями. Перенесение/перезахоронение костей погребенного, как вариант подзахоронения, зафиксирован В. С. Флёровым у аланского населения, оставившего могильник Клинь-Яр III на Северном Кавказе (Флёров 2007: 158–160). В таком случае мы имеем дело с фактом вторичного погребения, что, в свою очередь, объясняет отсутствие в камере жертвенной пищи: завершившийся переход из мира живых в мир мертвых умершего мужчины исключил за ненадобностью помещение в могилу жидкой (в сосуде) и мясной жертвенной пищи.

В некоторых исследованных катакомбах рассматриваемого могильника наблюдалась ситуация, когда в дромосе присутствуют следы его преднамеренного вскрытия, а скелеты помещенных в камеру людей находятся в полном анатомическом порядке. Любопытный пример — катакомба № 119 (рис. 2). На уровне зачистки пятно дромоса в плане имело форму сильно вытянутого прямоугольника с закругленными углами, размерами $5,5 \times 0,52...0,58$ м (рис. 2: 3), а цвет его был не однородным.

Восточная его часть на 2,9 м от края имела светло-серый цвет, тогда как остальная часть была немного светлее окружающего материка, представленного светло-коричневой глиной. Заполнение западной (начальной) части дромоса состояло из материковой глины с вкраплениями мелких меловых конкреций, и поэтому трудно читалось на фоне окружающего материка. В начальной части оно было однородным до самого дна дромоса.

Светло-серое заполнение восточной части дромоса связано с преднамеренным проникновением в погребальную камеру, совершенным уже после того, как дромос был засыпан. Заполнение этой части дромоса было не однородным (рис. 2: 3). Глубина дромоса у его восточной стенки составляла –2,95 м от уровня зачистки. В вертикальном разрезе, возле восточной торцевой стенки дромоса (на удалении 0,4 м от нее) заполнение этой части дромоса было представлено тремя массивами грунта, отличающимися по цвету и составу. От уровня фиксации пятна дромоса и до глубины –2,2 м от зачистки шел массив затечного грунта, состоящий из различных по цвету и структуре слоев: чистая материковая глина, материковая глина с примесью чернозема, чернозем с незначительной примесью материковой глины. Все слои данного массива грунта имели прогиб в сторону дна дромоса и наклон в сторону его восточной торцевой стенки. С отметки –2,2 м от зачистки и до отметки –2,75 м от зачистки фиксировался массив плотного грунта коричневого цвета, представляющего собой смесь светло-коричневой материковой глины с черноземом. Ниже, с отметки –2,75 м от зачистки до отметки –2,95 м от зачистки шел массив светло-коричневой материковой глины с вкраплениями мелких меловых конкреций. Этот массив грунта аналогичен заполнению западной (начальной части дромоса) и являлся первоначальным его заполнением.

Погребальная камера поперечная по отношению к дромосу. На ее полу располагался скелет женщины 20–25 лет (погр. № 2) (рис. 2: 2). Погребенная была уложена в вытянутом положении на спине головой влево от входа. Руки вытянуты вдоль тела и слегка разведены в стороны, ноги прямые. Кости ступней обеих ног отсутствуют — результат действия землеройных животных (одна фаланга пальца ноги была найдена в кротовине в 0,1 м к северу от черепа). При скелете был обнаружен богатый инвентарь, представленный личными украшениями: серьги, гривна, бусы, превращенные в подвески 10 монет, амулеты, браслеты, перстни. В кротовинах, в районе ступней ног женщины, были найдены две серебряные штампованные бляшки и один серебряный штампованный наконечник от ремешков обуви. У северной боковой стенки камеры лежал посмертный дар, состоящий из бронзового зеркала, бронзового проволочного браслета, трех бронзовых пуговиц-зеркалец, десяти бронзовых спиралевидных пронизей и 274 бусин. В левом ближнем углу камеры находились остатки мясной жертвенной пищи в виде трубчатой кости шестимесячной козы, рядом стоял кувшинчик.

Останки женщины были перекрыты слоем грунта толщиной 0,2 м, аналогичным по составу первоначальному заполнению дромоса. На этом слое лежал скелет ребенка 4–5 лет в анатомическом порядке (погр. № 1) (рис. 2: 1). Вдоль боковых и дальней торцевой стенок погребальной камеры прослеживался затечный грунт темно-коричневого цвета, состоявший из светло-коричневой глины, перемешанной с большим количеством чернозема. Останки ребенка располагались в слое плотного грунта коричневого цвета, представляющего собой смесь светло-коричневой материковой глины с черноземом, аналогичный второму массиву из заполнения хода повторного проникновения. Верхняя граница слоя грунта, в котором находились останки ребенка, находилась на уровне верха входа в погребальную камеру. Выше него располагалась чистая материковая глина — рухнувший свод погребальной камеры. Ребенка сопровождали бронзовые серьги, литые бубенчики, амулеты с соколиными головками, две нашивки на налобную ленту, сделанные из обрезанных арабских дирхемов.

Стратиграфия заполнения дромоса и погребальной камеры показывает, что после помещения в камеру тела женщины (погр. № 2) камера была засыпана грунтом до уровня дна входа в нее. Вход в камеру был закрыт каким-то закладом, дромос засыпан. Спустя какое-то время дромос в восточной его части был вскрыт, но не до самого дна, вход в погребальную камеру был открыт, и на находившийся в камере грунт, перекрывавший погр. № 2, было уложено тело ребенка. После этого вход повторного проникновения в погребальную камеру был частично засыпан (второй массив грунта в заполнении повторного вкопа в дромос). При этом грунт из дромоса попал и в погребальную камеру, перекрыв собой тело ребенка. Однако вход повторного проникновения в погребальную камеру, по-видимому, до конца не был засыпан грунтом, и только со временем его заполнил затечный грунт. Позже свод

камеры обвалился, перекрыв собою останки ребенка. Со временем в камеру просачивалась вода с землей, образуя затечное заполнение в пустотах по периметру камеры.

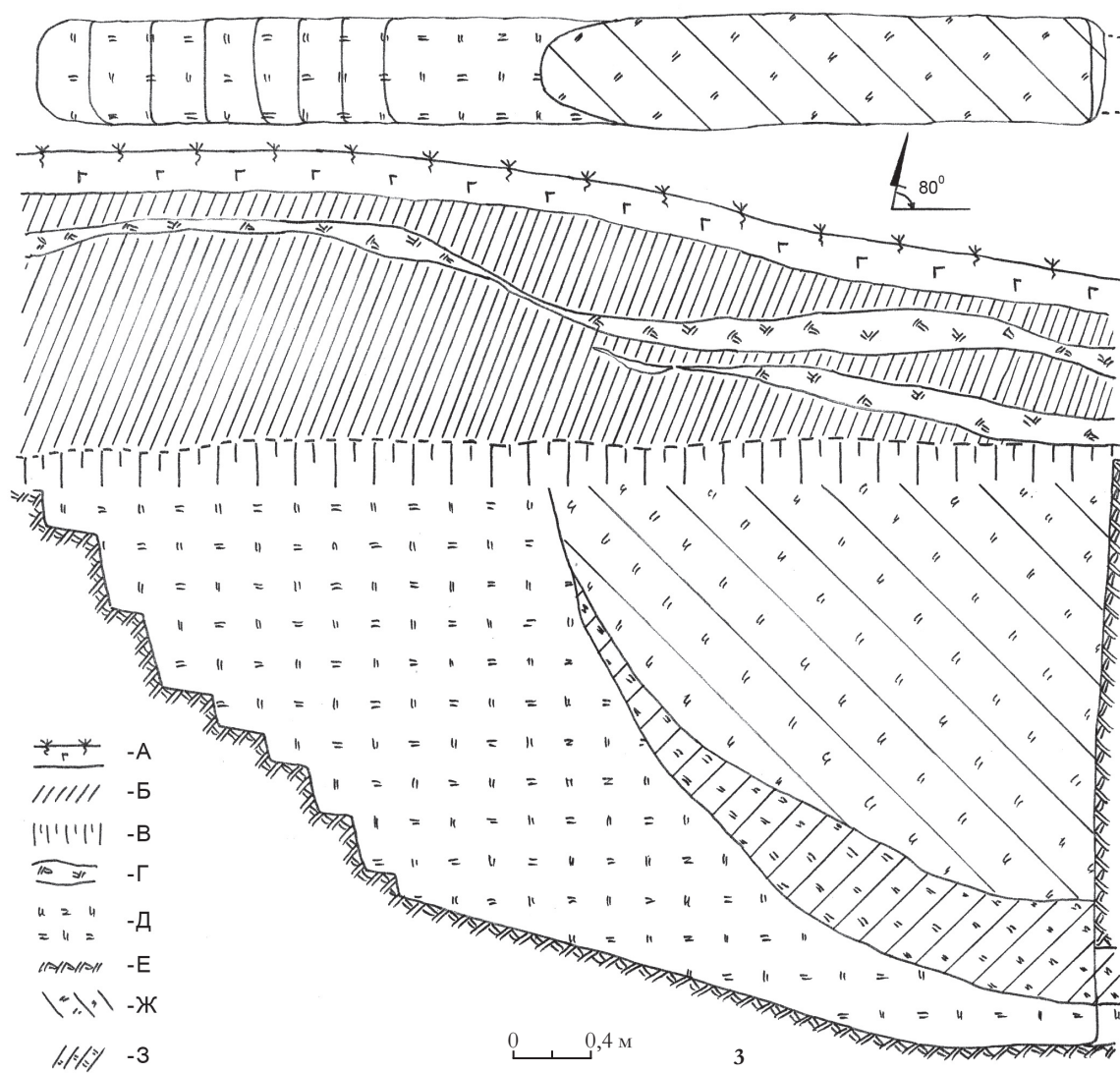
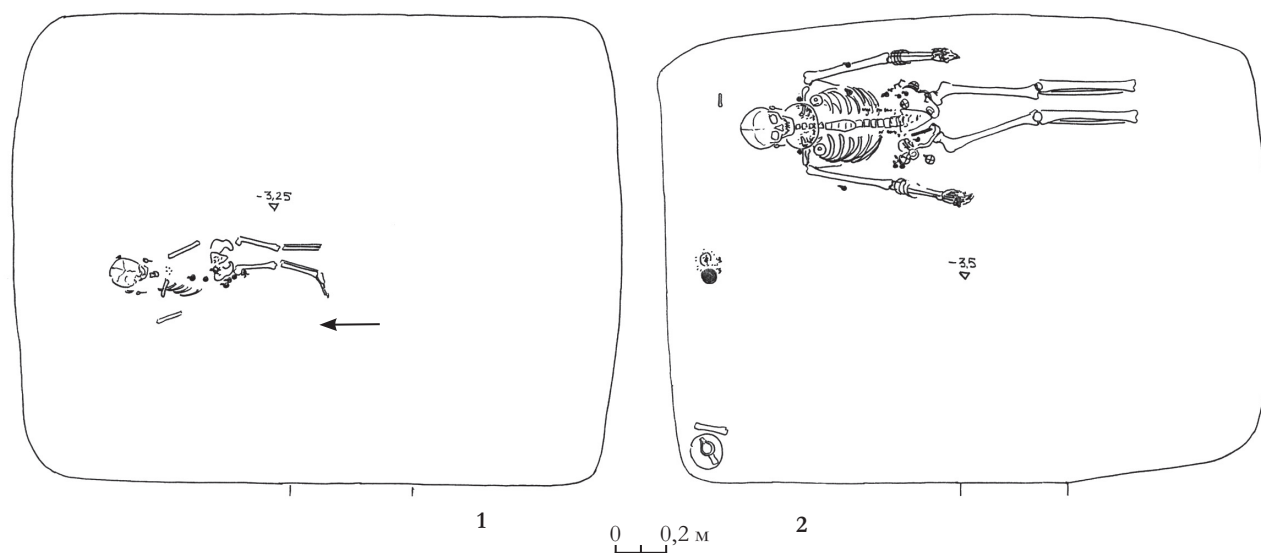
Таким образом, в этом погребении была произведена преднамеренная засыпка хода повторного проникновения в погребальную камеру как при первом захоронении, так и при подзахоронении тела нового умершего в ту же катакомбу.

Факт преднамеренной засыпки грунтом тел помещенных в погребальную камеру людей подтверждает и ситуация в катакомбе № 111 (рис. 3), дромос которой еще предстоит исследовать. На полу камеры был зафиксирован в анатомическом порядке скелет женщины (погр. № 3) с достаточно богатым инвентарем, посмертными дарами (зеркало, бусы), сосудом и напутственной мясной пищей (рис. 3: 2). Скелет погребенной женщины находился в слое грунта, попавшего в камеру из дромоса при засыпке последнего. Этот слой заполнения камеры состоял из материковой глины с незначительной примесью чернозема, у входа в камеру он имел толщину 0,25 м, у дальней торцевой стенки не превышал 0,1–0,15 м. Верхняя поверхность этого слоя имела заметный наклон от входа в камеру в сторону торцевой и боковых стенок камеры. На этом слое грунта были зафиксированы преднамеренно разрушенные скелеты двух людей (мужчины и женщины) (рис. 3: 1). Грудная клетка женщины (погр. № 1) была разрушена, тогда как кости позвоночника, таза и обеих рук, с находившимися на них браслетами, сохранили свой анатомический порядок. Берцовые кости и кости ступней обеих ног, сохранившие свой анатомический порядок, были сдвинуты в правый ближний угол камеры. Поверх них покоился череп женщины с преднамеренно отделенной от него нижней челюстью. Личные украшения и детали одежды погребенной находились на свойственных им местах. Скелет мужчины (погр. № 1) был разрушен полностью. Его кости образовывали две кучи, череп в сочленении с нижней челюстью находился в левом ближнем углу камеры. Череп мужчины почти соприкасался с венчиком кувшина, стоявшего на полу камеры. Лучевая, локтевая кости, кости кисти правой руки мужчины, сохранившие анатомический порядок, лежали в правом дальнем углу камеры поверх грунта, перекрывшего погр. № 3 (за черепом женщины на отметке +0,12...0,14 м от пола) (рис. 3: 2).

Таким образом, после помещения на пол камеры тела женщины (погр. № 3) дромос был засыпан. При этом грунт из дромоса попал в камеру и перекрыв тело погребенной. Спустя какое-то время в камеру поместили тела еще двух людей (погр. № 1 и № 2). Еще спустя непродолжительное время, когда связки, удерживающие кости в сочленении, еще не сгнили, тела двух последних погребенных подверглись преднамеренному разрушению, при этом большинство их личных украшений осталось на своих местах. Однако тело ранее погребенной женщины не было потревожено, хотя его трудно было не заметить. Людей, производивших нарушение целостности скелетов погребенных, не интересовали находившиеся в камере вещи, которые остались на своих местах. Такая же ситуация была отмечена и в других катакомбах могильника, где при разрушенных скелетах обнаружены статусные вещи (серьги из благородных металлов, серебряные монеты, элементы поясной гарнитуры) и предметы вооружения (сабли, топоры) (см. Аксёнов 2010: рис. 1; 2; 2013: рис. 7; Аксёнов, Лаптев 2009: 243–247, рис. 3; 4; 8). На момент проникновения в камеру мягкие ткани еще до конца не разложились. Полное разрушение мягких тканей происходит в течение 3–5 лет после похорон (Рубежанский 1978: 19). Следовательно, проникновение в захоронение имело место спустя непродолжительное время после помещения тел в камеру, т. е. в период существования салтово-маяцкой культуры, а люди, проникавшие в катакомбы через вырытый в торцевой части дромоса ход, относились к алано-болгарскому населению Подонцовья хазарского времени.

Рис. 2. Верхне-Салтовский IV катакомбный могильник. Катакомба № 119. 1 — план погребения № 1; 2 — план погребения № 2; 3 — план дромоса. Условные обозначения: А — дерн, Б — насыпной грунт, В — чернозем, Г — глина, перемешанная с черноземом, Д — первоначальное заполнение дромоса, Е — материк (светло-коричневая глина), Ж — заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру (смесь светло-коричневой материковой глины с черноземом), З — массив затёчного грунта

Fig. 2. Verchne-Saltov IV catacomb cemetery. Catacomb No. 119. 1 — plan of burial 1; 2 — plan of burial 2; 3 — plan of the dromos. Legend: А — turf; Б — fill-up earth; В — black soil; Г — clay mixed with black soil; Д — initial filling of the dromos; Е — natural ground (light brown clay); Ж — filling of the intruders' tunnel opening into the burial chamber (mixture of light brown clay and black soil); З — flowed-in soil mass

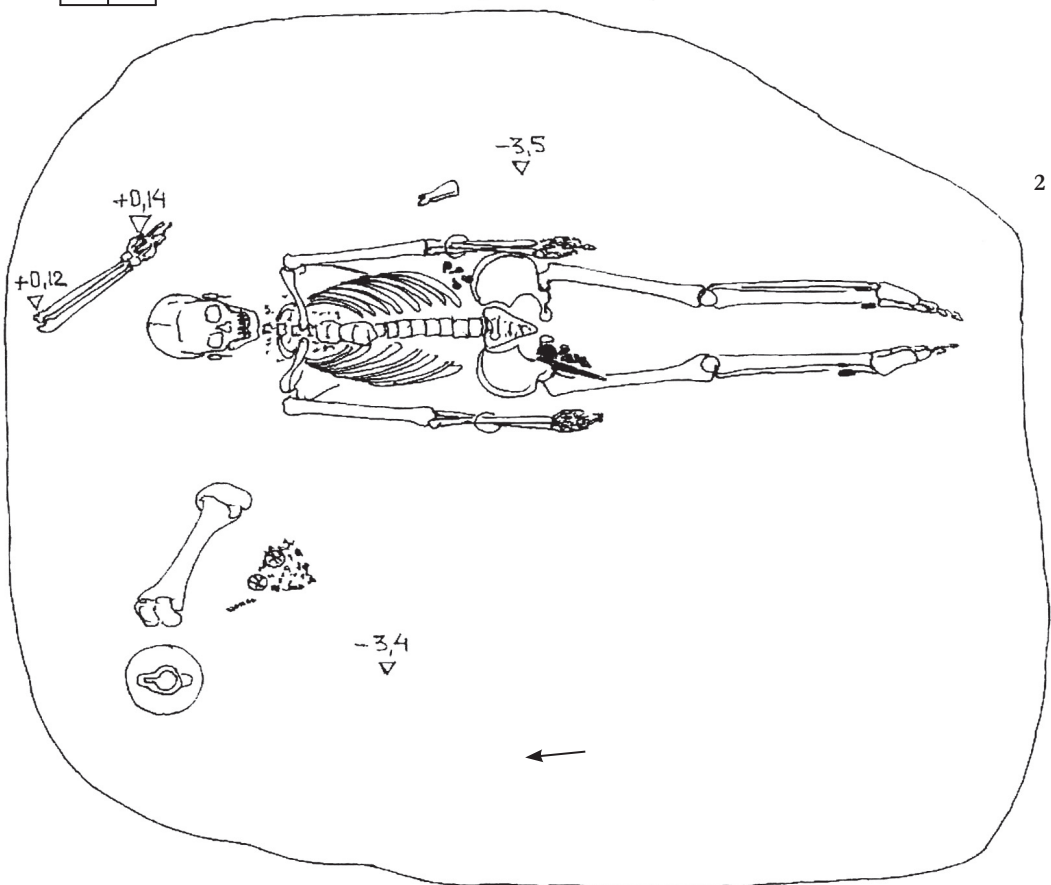
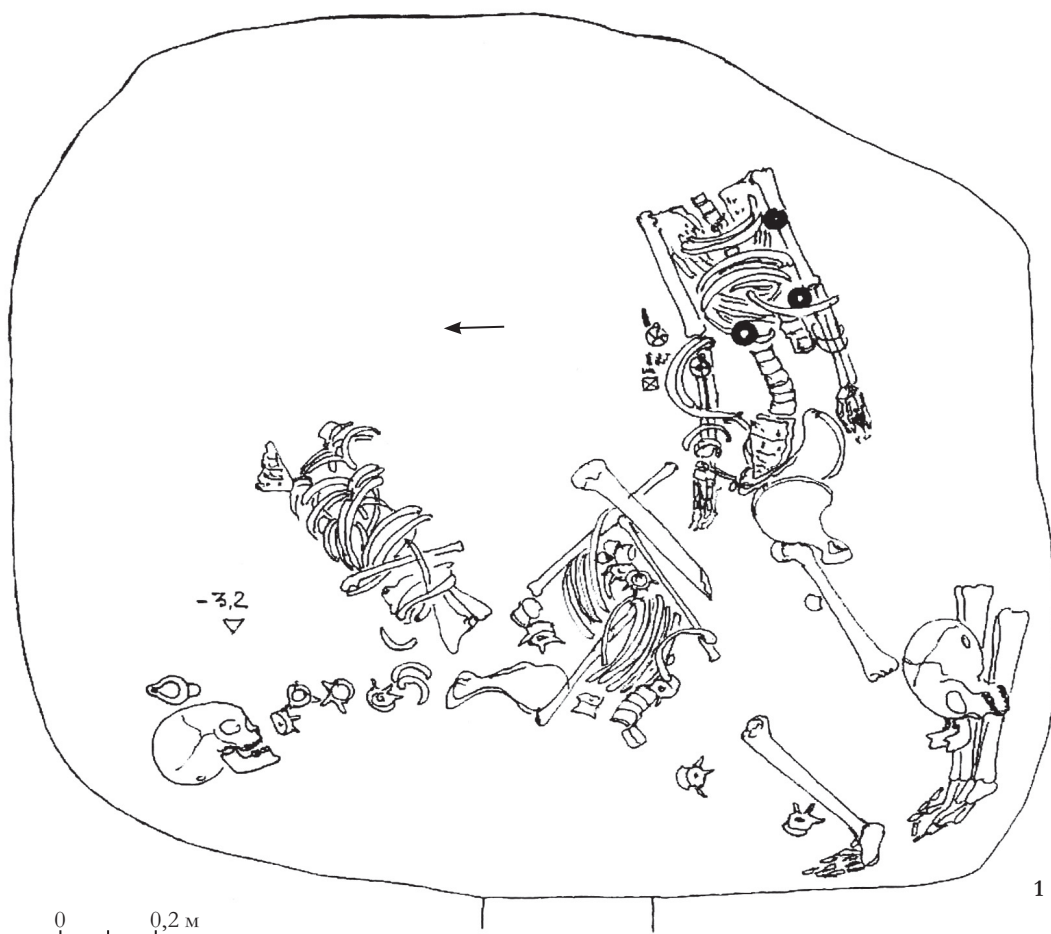
Состав погребального инвентаря из катакомб ВСМ-IV с разрушенными скелетами людей позволяет констатировать, что преднамеренные проникновения в камеры были совершены не с целью «ограбления» в общепринятом смысле этого слова. В исследованных захоронениях обнаружены такие знаковые предметы, как золотые серьги, серебряные поясные наборы, серебряные монеты, сабля и другие личные украшения (браслеты, перстни, бусы и т. п.). Хотя нельзя исключать и того, что в процессе проникновения в камеру из нее могли быть изъяты какие-то отдельные вещи. Проникать в камеры, находящиеся на глубине 2 м и более, ради какого-то «металлоемкого предмета» (по выражению Г. Е. Афанасьева) типа железного топорика, оставляя на месте другие предметы, изготовленные из стекла, бронзы, серебра и даже золота, лишено смысла с точки зрения как современного, так и древнего грабителя могил. Как свидетельствуют письменные и археологические материалы, при ограблении из могил изымались в первую очередь изделия из драгоценных металлов, престижные вещи, примером чего являются скифские курганы, большинство которых до настоящего времени дошло в ограбленном состоянии (Полін 2003: 20–22; Мозолевский, Полин 2005: 427–445). Целью ограбления могил, как в древности, так и в более позднее время, была жажда наживы. Цель проникновения в погребальные камеры катакомб ВСМ-IV явно была другая.

Проникать в камеру с разными целями могли неоднократно. Свидетельство этому — катакомба № 109 (рис. 4: 1–10). Отличает данную катакомбу от других наличие двух одновременных входов в погребальную камеру и хода повторного проникновения с тремя разными по структуре заполнениями (рис. 4, 8, 10). Первоначально через вход № 1 в камеру были помещены умершие люди, после чего он был закрыт каменным закладом. Спустя какое-то время в дромосе был сделан ход повторного проникновения и люди проникли через вход в погребальную камеру. В результате их действий каменный заклад (рис. 4: 9) был отброшен от входа (рис. 4: 7, 8), тела людей подверглись какому-то воздействию, был разбит один из сосудов с жертвенной пищей, а второй сосуд был извлечен из камеры и поставлен в дромосе перед отброшенным закладом. После совершения этих действий вход в камеру и ход повторного проникновения были преднамеренно засыпаны. Об этом свидетельствуют слой чистой материковой глины, перекрывавший дно хода повторного проникновения, и заполнивший вход в погребальную камеру отброшенный заклад. Этот же слой грунта перекрывал большую часть пола камеры и сохранившие свой анатомический порядок кости ног погребенных людей (рис. 4, 1). Вход № 2 появился в результате еще одного проникновения в камеру. Совершавшие новое проникновение люди шли уже по засыпанному ходу повторного проникновения. Докопав до слоя чистой материковой глины на дне первоначального хода проникновения в камеру, они приняли его за дно дромоса. Не заметив забутованный таким же грунтом вход № 1 в камеру, они прорубили свой вход в камеру (№ 2) (рис. 4: 8, 10). Высота этого входа (1,03 м) свидетельствует, что на тот момент камера была свободна от грунта почти на всю свою высоту. Нахождение костей людей в слое чистой материковой глины и на его поверхности указывает, что проникшие в камеру люди перекапывали находившийся там грунт и извлекали с пола камеры отдельные кости и, возможно, вещи. После их посещения камеры ход повторного проникновения не был преднамеренно засыпан и постепенно заполнялся грунтом, обваливавшимся со стенок хода повторного проникновения.

Материалы ВСМ-IV показывают, что в одних случаях после проникновений в камеру ход повторного проникновения преднамеренно засыпался, в других — он оставался открытым или засыпался только частично, заполняясь со временем землей, обрушившейся с его стенок, и грунтом вместе с попадавшей сюда водой. При этом ширина пятна хода повторного проникновения в первом случае лишь немного превышала среднюю ширину дромоса, тогда как при оставлении его открытым ширина пятна хода повторного входа в камеру достигала 1 м и более. В последнем случае пятно хода повторного проникновения по периметру имело черный или темно-серый цвет, центральная часть пятна имела светло-серый цвет.

Рис. 3. Верхне-Салтовский IV катакомбный могильник. Погребальная камера катакомбы № 111.
1 — план погребений № 1 и № 2; 2 — план погребения № 3

Fig. 3. Verchne-Saltov IV catacomb burial. The burial camera of catacomb No. 111.
1 — plan of burials 1 and 2; 2 — plan of burial 3

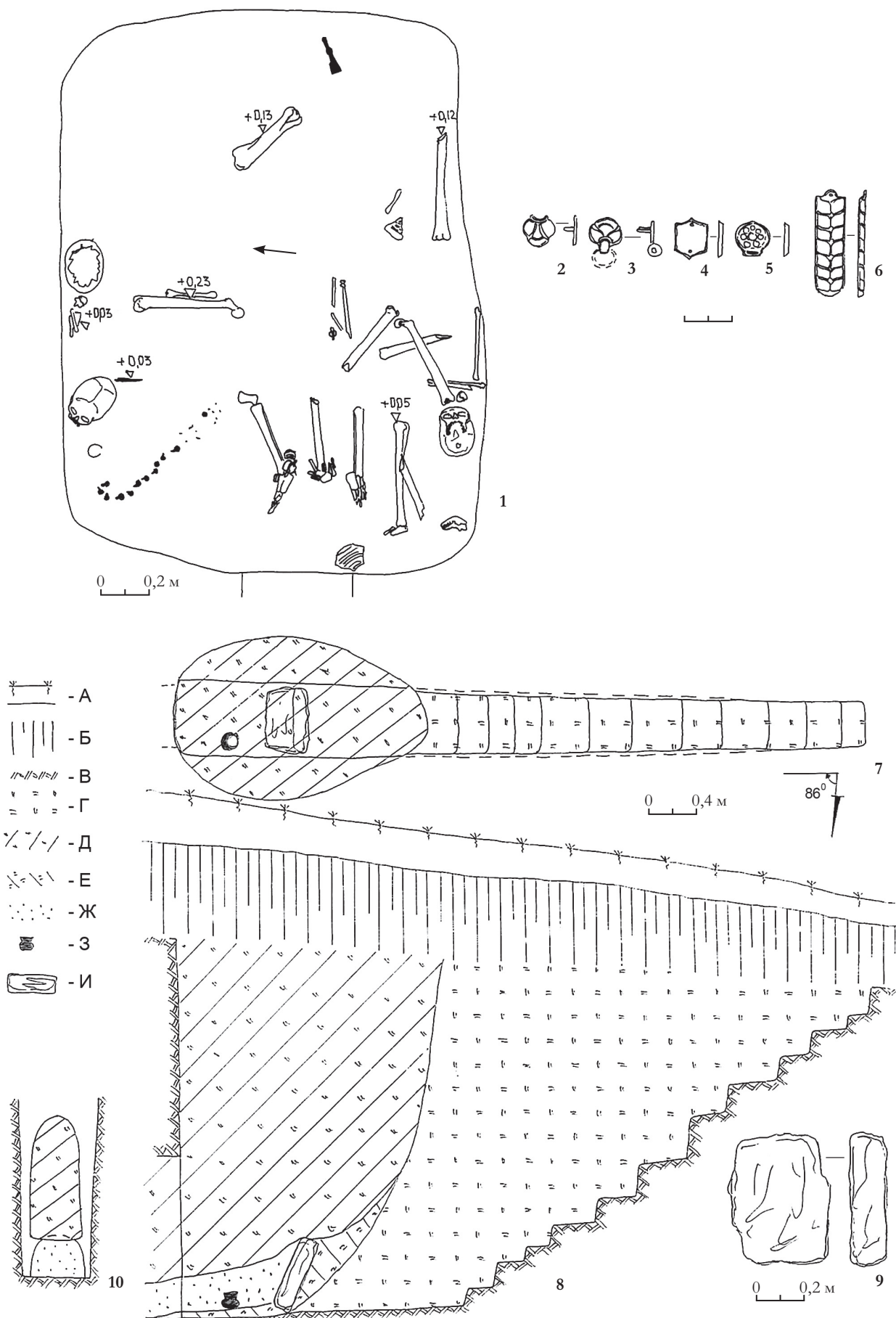
Можно предположить, что оставление хода повторного проникновения в погребальную камеру незасыпанным, при нарушенной целостности человеческих останков, связано с идеей окончательного разложения тела, что означало завершение и самой смерти (см. Леви-Брюль 1994: 253). В таком случае преднамеренное проникновение в катакомбу спустя 3–5 лет после совершения захоронения и следующее за этим разрушение скелетов должны были символизировать окончательную смерть конкретного человека и его готовность возродиться к новой земной жизни в лице нового члена семьи.

В большинстве дромосов катакомб ВСМ-IV присутствует ход повторного проникновения в погребальную камеру и, соответственно, два массива заполнения (см. Аксёнов 2002: 98–99). Подобное явление отмечалось и на других памятниках аланского населения (Флёров 1993: 43–51). В качестве примера рассмотрим дромос катакомбы № 69, при вскрытии которого был сделан поперечный и продольный разрезы на всю его глубину (рис. 5: 2). Первый массив грунта заполнения находился в начальной части дромоса (рис. 5: 2, 3). Он связан с первичным погребением и представляет собой почти чистую материковую глину (рис. 5: 6), из-за чего эта часть дромоса едва выделяется своим цветом на фоне окружающего материка. Второй массив грунта находился в конце дромоса, расположенном выше по склону, у стенки, в которой сделан вход в погребальную камеру. Он связан с ходом повторного проникновения в погребальную камеру. Этот массив грунта покоится на останце первоначального заполнения дромоса и имеет наклонное в сторону входа в погребальную камеру основание (рис. 5: 4). По структуре этот массив заполнения дромоса слоистый. Все его слои имеют ярко выраженный наклон в сторону входа в погребальную камеру. К тому же они имеют прогиб в сторону дна дромоса (рис. 5: 5). Здесь чередуются слои светло-коричневой глины с большой примесью чернозема; слои почти чистой без примесей материковой глины светло-коричневого и темно-коричневого цвета; слои материковой глины с включением чернозема, зеленоватой глины и мелких древесных угольков. На границе двух массивов заполнения дромоса встречаются отброшенные от входа в погребальную камеру камни заклада или фиксируются остатки деревянных закладов в виде тлена коричневого цвета. В слоях заполнения данной части дромоса встречались отдельные фрагменты керамики. Здесь же был найден нож, обращенный острием к входу в камеру. Состав и структура заполнения хода повторного проникновения свидетельствуют о его затечном характере. На уровне зачистки ход повторного проникновения в плане имел форму овала (рис. 5: 2). Длина хода составляла 2,17 м при общей длине дромоса 4,7 м. Максимальная ширина его достигала 0,86 м при максимальной ширине дромоса до 0,5 м. При этом боковые стенки хода повторного проникновения в его верхней части имели наклон внутрь дромоса, а затем переходили собственно в стенки дромоса (рис. 5: 5). Таким образом, ход повторного проникновения в своей верхней части имел воронкообразную форму. Образование таких стенок хода при слоистости его заполнения, наиболее ярко выраженной в верхней его части, могло произойти только в том случае, если после преднамеренного проникновения в камеру вход в нее оставался открытым или лишь частично засыпанным, а впоследствии заполнялся затечным грунтом и землей с его обваливавшихся стенок.

Слоистым по структуре было и заполнение входа в погребальную камеру. Слои глины с большой примесью чернозема чередовались со слоями относительно чистой материковой глины, в которых встречались мелкие древесные угольки. По высоте входа в камеру таких слоев насчитывалось 11.

Рис. 4. Верхне-Салтовский IV катакомбный могильник. Катакомба № 109. 1 — план погребальной камеры; 2–6 — бронзовые элементы поясной гарнитуры из камеры; 7, 8 — план дромоса; 9 — каменный заклад; 10 — входы (№ 1 и № 2) в погребальную камеру. Условные обозначения: А — дерн; Б — чернозем; В — материк (светло-коричневая глина); Г — первоначальное заполнение дромоса; Д, Е — слоистое заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру; Ж — светло-зеленая глина; З — кружка; И — каменный заклад

Fig. 4. Verchne-Saltov IV catacomb burial. Catacomb No. 109. 1 — plan of the burial chamber; 2–6 — bronze details of the belt set from the camera; 7, 8 — plan of the dromos; 9 — stone setting; 10 — entrances (No. 1 and No. 2) into the burial camera. Legend: A — turf; Б — black soil; В — natiel ground (light brown clay); Г — initial filling of the dromos; Д, Е — layered filling of the intruders' tunnel opening into the burial chamber; Ж — light green clay; З — mug; И — stone setting

Толщина слоев заполнения входа в камеру колебалась от 10–12 см (нижний слой) до 2–3 см (остальные слои).

В катакомбах, где в дромосах и погребальных камерах была зафиксирована такая структура заполнения, скелеты людей имели следы преднамеренного разрушения. Степень разрушения человеческих скелетов различна: от отделения черепа от тела или только нижней челюсти до полного разрушения скелета (Аксёнов 2002: 99). Так, в катакомбе № 69 все три человеческих скелета были разрушены в той или иной степени (рис. 5: 1). У женщины (погр. № 1), уложенной вдоль дальней торцевой стенки, череп был отброшен к левому плечу, тогда как нижняя челюсть находилась в районе грудной клетки погребенной. Череп погребенного № 2 (ребенок) лежал поверх коленных суставов погр. № 1, тогда как нижняя челюсть сохранила свое первоначальное место положения. Скелет погребенного мужчины (№ 3), расположенный у входа в камеру, был разрушен сильнее остальных. Череп погребенного с отделенной нижней челюстью располагался с внешней стороны плечевого сустава левой руки. Кости кисти левой руки были разбросаны по полу камеры в районе колен погребенного мужчины. Бедренные кости мужчины смещены, его берцовые кости образовывали кучу в правом ближнем углу камеры. Здесь же находились лучевая и локтевая кости правой руки погребенного мужчины. Немногочисленный инвентарь, сопровождавший погребенных в камере людей, располагался на естественных для него местах.

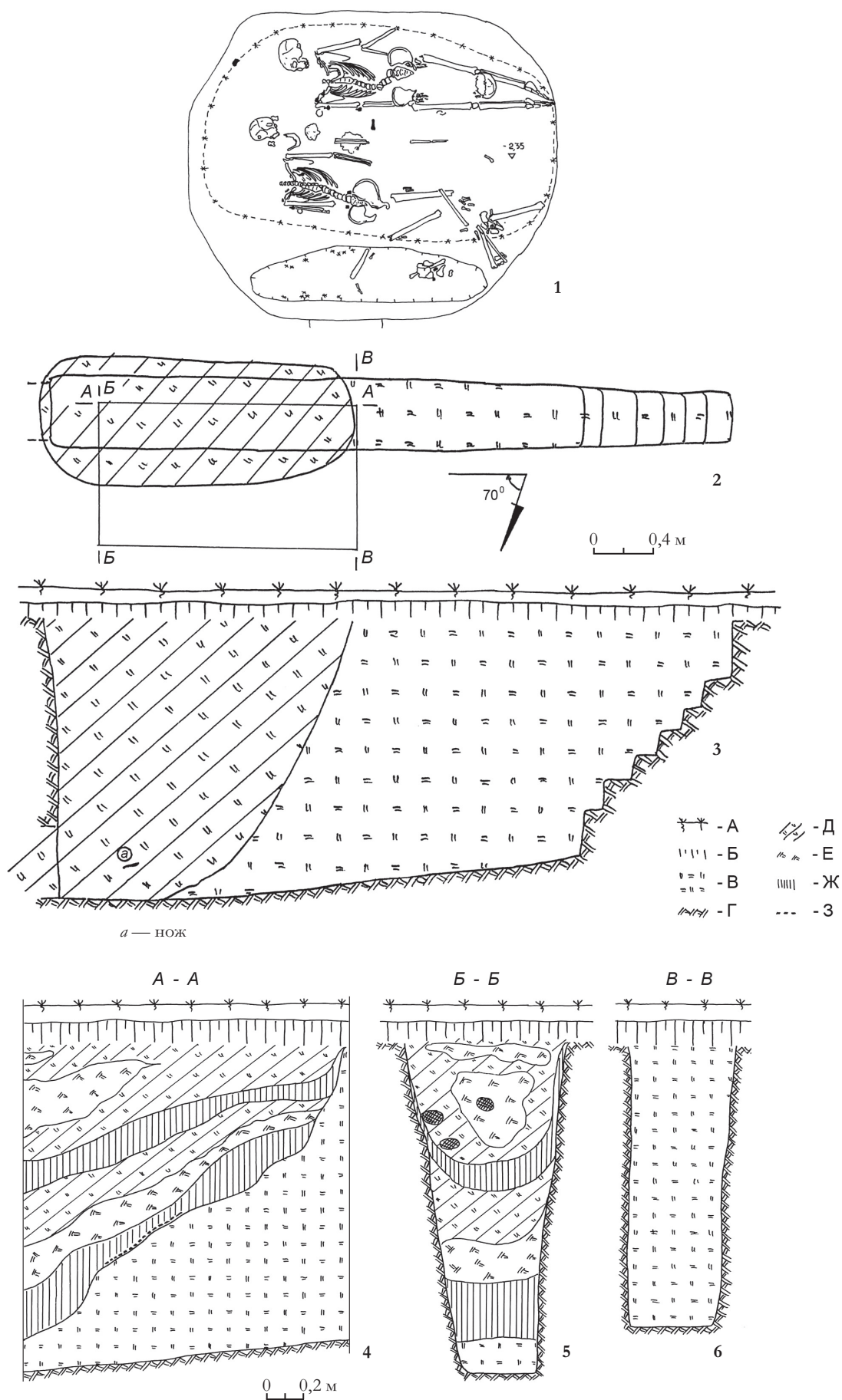
Такое избирательное смещение костей, когда инвентарь оставался на своих первоначальных местах, не может быть объяснено постепенным заполнением камеры грунтом и водой, как это предполагает Г. Е. Афанасьев (2012: 115), на что уже обращалось внимание (см. Аксёнов 2012–2013: 28–34, рис. 3).

Преднамеренное проникновение в погребения кроме их ограбления связывают также с осквернением захоронений или с проведением определенных ритуальных действий, таких как обряды инициации, получение шаманского дара, изъятие вещей и т. п. (Кузьмин 1991: 149–150). При этом осквернение могил большинство исследователей связывает со сменой населения, когда пришельцы, заняв территорию прежнего населения, для утверждения своего права на данную местность не только разрывали и оскверняли могилы аборигенов, но и использовали их для своих захоронений (Мозолевский, Полин 2005: 444; Кузьмин 1991: 150; Дашевская 1994: 81–83; Хазанов, Черненко 1979: 24–26). Для оскверненных погребений характерны разбросанные по дну захоронения в беспорядке человеческие кости, разломанные вещи, отсутствие многих костей скелета (Кузьмин 1991: 150), что на исследуемом нами могильнике не наблюдается. Поэтому, учитывая также время проникновения, считать, что катакомбы ВСМ-IV были вскрыты для проведения обряда осквернения, не представляется возможным.

В большинстве исследованных катакомб ВСМ-IV проводились явные манипуляции с головами/черепами погребенных: череп отбрасывался в сторону, нижняя челюсть отделялась. Голова/череп является вместилищем души, общей жизненной силы и олицетворением человека (см. Дмитриев 1997: 212–219; Штернберг 1936: 303), поэтому отделение головы от тела трупа вело к полному уничтожению личности и к полной уверенности в том, что уже покойник не навредит живым. Здесь можно говорить об одной из форм обезвреживания покойника (Леви-Брюль 1994: 470). Вполне вероятно, что

Рис. 5. Катакомба № 69. 1 — план погребальной камеры; 2, 3 — план дромоса; 4 — стратиграфия заполнения хода повторного проникновения в камеру (продольный разрез); 5 — стратиграфия заполнения хода повторного проникновения в погребальную камеру (поперечный разрез); 6 — стратиграфия заполнения не потревоженной перекопом части дромоса (поперечный разрез). Условные обозначения: А — дерн; Б — чернозем; В — первоначальное заполнение дромоса; Г — материк; Д — слои материковой глины с вкраплениями чернозема; Е — слои чистой материковой глины; Ж — слои чернозема с вкраплениями материковой глины; З — прослойка светло-серого цвета (сгнивший деревянный заклад?)

Fig. 5. Verchne-Saltov IV catacomb burial. Catacomb No. 69. 1 — plan of the burial chamber; 2, 3 — plan of the dromos; 4 — longitudinal section the of filling of the intruders' tunnel leading into the burial chamber; 5 — cross section of the filling of the intruders tunnel leading into the burial chamber; 6 — cross section of the filling of the part of dromos undisturbed by the intrusion. Legend: А — turf; Б — black soil; В — initial filling of the dromos; Г — natural ground; Д — layers of parent clay with black soil inclusions; Е — layers of pure parent clay; Ж — layers of black soil with parent clay inclusions; З — layer of light gray color (rotten wooden setting?)

в данном случае мы имеем дело с так называемой заключительной церемонией, проведение которой означает конец траура, делает для живых смерть сородича полной и окончательной, после чего «душа покойника уже не будет оказывать индивидуальное воздействие на общественную группу по крайней мере в течение неопределенного периода, пока она ждет своего перевоплощения» (Там же: 250–251). Как показывают этнографические данные, после проведения заключительной церемонии живым уже нечего больше бояться покойника (Там же: 252).

Г. Е. Афанасьев, ссылаясь на этнографические наблюдения над похоронными обрядами осетин, не допускает возможность того, что генетически связанные с ними донские аланы могли проникать в захоронения и тревожить останки своих сородичей (Афанасьев 2012: 122–123). При этом он оставляет без внимания тот факт, что в салтовских катакомбах при подзахоронениях, если места в камере было мало, кости ранее умерших родственников частично или полностью сдвигались в сторону (Плетнева 1989: 185, рис. 95; 224, рис. 108: II; 240, рис. 111: I; Семёнов-Зусер 1949: 131, рис. 12). Как было показано выше, у алан Подонцовья все же допускалось нарушение анатомической целостности скелета погребенных их родственниками. Соответственно, можно предположить, что аланы Подонцовья загробную жизнь своих умерших родственников представляли несколько иначе, чем их потомки — осетины. К тому же этнографические данные по некоторым народам Северного Кавказа (Нагорный Дагестан) свидетельствуют, что могилы людей, ведущих себя при жизни непристойно, жадных и богатых, и вследствие этого ставших *ххурттаймой*, раскапывались, голова умершего отрубалась металлическим клинком, после чего голова помещалась у ног, и могила обратно закапывалась (Гаджиев 1991: 31). Поэтому представляется, что нельзя полностью переносить отношения осетин к могилам своих предков на Кавказе в XIX в. на алан, проживавших более чем за десять веков до них. На момент фиксации этнографических данных по осетинам в XIX в. они уже достаточно долго находились под влиянием монотеистических религий, что не могло не отразиться на представлениях осетин о потустороннем мире¹.

Основной идеей погребального обряда была идея жизненного круговорота. Зарывание покойника в землю, его ориентировка, наделение умершего имуществом, надмогильное сооружение, напутственное слово покойнику и т. д. — все это должно было обеспечивать бесперебойность цикла возрождения человека (Косарев 2003: 185). Отсюда правильное отправление погребального обряда должно было привести к тому, что умерший человек через какое-то время должен был возвратиться в новую земную жизнь младенцем. По представлению некоторых народов срок между смертью человека и его последующим рождением тем короче, чем моложе был покойник (Там же: 183). Поэтому окончательная смерть в потустороннем мире, а следовательно, и полная готовность к новому возрождению в земном мире у некоторых народов Сибири (остяков, вогулов) для стариков определялась 3–4 годами после похорон, для зрелых людей — в 2 года, для молодых — в 1 год (Там же: 192). Возможно, что подобные воззрения существовали и у аланского населения Подонья, ибо проникновения в погребальные камеры с последующим разрушением скелетов умерших происходили, как представляется, в период от 3 до 5 лет после совершения похорон (Аксёнов 2002: 109). Развитие таких воззрений у алан Подонья могло произойти под влиянием тюркоязычных соседей, для которых характерно окончательное уничтожение тула (заместителя умершего, где сохранялась одна из его душ) после проведения последних поминок — через год после смерти (Шишло 1975: 250), что знаменует окончательный разрыв связи живых родственников с покойником.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что у предков алан — скифов отсутствовало представление о святости могил предков. Священными для каждого коллектива были только свои могилы или могилы родственных групп (Хазанов, Черненко 1979: 25). Можно предположить, что существовавшая на славяно-хазарском пограничье борьба за главенство между разными аланскими родами (выходцами

¹ На том свете умерший, после ознакомления с поучительными зрелищами, состоящими из сцен вечного воздаяния и вечного возмездия, прибывает на распутье трех дорог. «Две крайние ведут: одна — на небо, другая — в преисподнюю; лучше всех средняя. Избравший ее попадает туда, где на троне в окружении Нартов восседает царь мертвых Барастыр» (Дюмезиль 1990: 197). «Рай в нартском эпосе — это огромный цветущий сад, где стоят золотые столы, накрытые всякими яствами и напитками. Ад — это окруженное высоким забором место, где находятся грешники» (Калоев 1984: 91). Появление дорог, ведущих на небо и в преисподнюю, рая и ада связано с влиянием монотеистических религий на первоначальное языческое мировоззрение алан/осетин.

из разных районов Северного Кавказа) на новых заселенных землях лесостепного Подонцовья могла привести к ситуации, когда представители одного возвысившегося рода для закрепления своего главенствующего положения могли разрушить/осквернить могилы своих противников за власть, происходивших из другого аланского рода. На факт присутствия на Верхнем Салтове нескольких групп аланского населения указывает существование нескольких участков катакомбного могильника (ВСМ-I, ВСМ-III, ВСМ-IV), функционировавших одновременно (Хоружая 2012: 165, рис. 1). Незначительные отличия между катакомбными захоронениями разных участков могильника были отмечены еще В. А. Бабенко (1905: 548–549) и подтверждены последующими работами на памятнике (Хоружая, Аксёнов 2005: 154–156). Неоднократные переходы главенства от одного рода алан к другому, возможно, и обусловили в разной пропорции присутствие катакомб с разрушенными скелетами на всех участках могильника у с. Верхний Салтов (Аксёнов 2002: 110, табл.). О том, что такая ситуация возможна, свидетельствует осетинский эпос, повествующий о вражде между двумя родами нартов — Бората и Ахсартаткатак, приведшей к войне между ними (цепной кровной мести) и полному истреблению одного из враждующих родов (Дюмезиль 1976: 198–234). Такая вражда не могла не отразиться на целостности могил предков представителей побежденного рода. Подобные явления нашли отражение в ранне-средневековых письменных источниках (Дмитриев 2001: 185–188).

Таким образом, материалы ВСМ-IV могильника позволяют сделать следующие выводы:

- 1) в катакомбы осуществлялось преднамеренное проникновение через специальный ход, сделанный в дромосе у входа в погребальную камеру;
- 2) через этот повторный вход в камеру не только помещали тела умерших людей для подзахоронения, но проникали для совершения каких-то действий, в результате которых нарушалась целостность тел/скелетов помещенных там покойников;
- 3) разрушение скелетов погребенных связано именно с этим повторным проникновением в камеру, а не обусловлено природными факторами;
- 4) проникавшие в камеру люди хорошо знали устройство камер и расположение покойников, зачастую их не интересовали вещи покойных, даже из разряда престижных (сабли, поясные наборы, золотые серьги и т. п.);
- 5) избирательность в разрушении скелетов, относительная сохранность погребального инвентаря указывает на ритуальный характер проводимых действий.

Аксёнов В. С. 1999. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua* 2, 137–149.

Аксёнов В. С. 2002. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // *РА* 3, 98–114.

Аксёнов В. С. 2010. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Куковальская Н. М. (ред.). *Сугдейский сборник 4*. Киев; Судак: Горобец, 354–364.

Аксёнов В. С. 2012–2013. К вопросу о повторном проникновении в катакомбные захоронения салтовской культуры Подонцовья (по материалам Верхне-Салтовского могильника) // *Хазарский альманах* 11. Киев; Харьков: Сучасний Друк, 20–44.

Аксёнов В. С. 2013. К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры // *Древности* 2013. Харьков: НТМТ, 192–210.

Аксёнов В. С., Лаптев А. А. 2009. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93

могильника у с. Верхний Салтов) // *Древности* 2009. Харьков: НТМТ, 242–258.

Афанасьев Г. Е. 2010. Забота о предках или стремление избавиться от них? (К дискуссии по исторической интерпретации разрушенных скелетов Маяцкого могильника) // Гуляев В. И. (ред.). *Кульг предков, вождей, правителей в погребальном обряде*. М.: ИА РАН, 63–64.

Афанасьев Г. Е. 2012. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // *РА* 2, 113–126.

Бабенко В. А. 1905. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ. // *Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в Екатеринославе*. Харьков: Типография «Печатное дело» кн. К. Н. Гагарина, 553–577.

Гаджиев Г. А. 1991. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.: Наука.

Дашевская О. Д. 1994. О разорении греческих и скифских могил в древности // *РА* 4, 79–84.

Дмитриев С. В. 1997. Тема отрубленной головы и политическая культура народов Центральной Азии

(общеазиатский контекст) // Стратум: структуры и катастрофы. СПб.: Нестор-История, 212–219.

Дмитриев С. В. 2001. Практика разорения могил в политической культуре тюрко-монгольских кочевников // Бочаров В. В., Тишков В. А. (ред.). Антропология насилия. СПб.: Наука, 178–190.

Дюмезиль Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. Пер. с франц. М.: Наука.

Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и Нарты. Сокращ. пер. с франц. М.: Наука.

Калоев Б. А. 1984. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX в. // Гарданов В. К. (ред.). Кавказский этнографический сборник 8. М.: Наука, 72–105.

Касаев М. Ф. 2003. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100.

Кузьмин Н. Ю. 1991. Ограбление или обряд? // Хршановский В. А. (ред.). Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: ГМИР, 146–155.

Леви-Брюль А. 1994. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс.

Мозолевский Б. Н., Полин С. В. 2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). Киев: Стилос.

Плетнева С. А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука.

Полин С. В. 2003. Про пограбування скіфських курганів у районі Чортомлика // Археологія 2, 10–25.

Рубежанский А. Ф. 1978. Определение по костным останкам давности захоронения трупа. М.: Медицина.

Семёнов-Зусер С. А. 1949. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки України. 1. Киев: Наукова думка, 112–137.

Флёров В. С. 1993. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград: Перемена.

Флёров В. С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.: ПолиМедиа.

Флёров В. С. 2007. Постпогребельные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. М.: Таус.

Хазанов А. М., Черненко С. В. 1979. Час і мотиви пограбування скіфських курганів // Археологія 30, 18–27.

Хоружая М. В. 2012. Исследования Верхне-Салтовского археологического комплекса: проблемы и перспективы // Древности 2012. Харьков: НТМТ, 160–171.

Хоружая М. В., Аксёнов В. С. 2005. Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса (к вопросу освоения аланским населением верхнего Подонцовья) // Отрощенко В. В. (ред.). Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ: Шлях, 154–156.

Шишло Б. П. 1975. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Басилов В. Н. (ред.). Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 248–260.

Штернберг А. Я. 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР.